

Шедший впереди и очень спешивший Цин Чэн резко обернулся, впечатал Е Цзымина рукой в каменную стену и ледяным, жестоким голосом яростно потребовал: — Говори, что за яд ты мне подмешал?

Цин Чэн изо всех сил старался унять дрожь в теле, но справиться с ней никак не получалось.

— Сяо Чэн, о чём ты говоришь? С чего бы мне подмешивать тебе яд? Или, может, ты и правда чем-то отравился? — Е Цзымин смотрел на странного Цин Чэна. Тот хоть и пытался угрожать, но выглядел совершенно безобидно. К тому же почему-то Е Цзымину казалось, что Цин Чэн его соблазняет.

Стойте, соблазняет?

Е Цзымину стало немного неловко: ведь Цин Чэн, как и он сам, вообще-то мужчина.

Е Цзымин помог Цин Чэну дойти до каменной кровати и усадил его, проверил рукой лоб — тот пылал, но внезапный недуг совсем не походил на обычную лихорадку. Глядя на раскрасневшееся лицо Цин Чэна, Е Цзымин почувствовал, как у него ёкнуло сердце, и в голове вдруг кое-что промелькнуло.

— Сяо Чэн, т-ты случайно не от приворотного зелья пострадал? — словно желая в чём-то убедиться, Е Цзымин даже протянул руки и обнял Цин Чэна, но тот тут же оттолкнул его. — Сяо Чэн, ты ведь только что не по-настоящему меня обнять хотел, верно?

Заметив легкое раздражение на лице Цин Чэна, Е Цзымин сразу всё понял: Цин Чэн действительно отравился приворотным зельем.

— Ладно, можешь не отнекиваться. Подумаешь, какая-то там отравка для приворота! Она очень легко лечится. Когда мы были в Столице Государства Маньлин, я слышал от дворцовых служанок, что от неё можно избавиться, если просто обниматься с мужчиной всю ночь напролёт. К тому же такую гадость невозможно выгнать Внутренней Энергией — только противоядием. И раз уж ты сегодня не бросил меня одного и не сбежал, так и быть, я пожертвую собой, позволю тебе обниматься сколько хочешь! — Е Цзымин самодовольно улыбнулся и шагнул ближе к Цин Чэну, чей взгляд то затуманивался, то вновь становился ясным.

— Держись от меня подальше! — Цин Чэн обхватил себя руками, из последних сил сдерживаясь, и на ватных ногах отбежал подальше от Е Цзымина.

— Эй, Сяо Чэн, чего ты убегаешь? Словно это я к тебе пристаю. Подумаешь, поспать в обнимку с мужчиной! Посмотри, мы ведь вместе прошли через жизнь и смерть, нас можно назвать прошедшими огонь и воду братьями, не стоит обращать внимания на такие мелочи. Иди сюда, хватит бегать.

Тон Е Цзымина, напоминавший обращение с капризным ребенком, лишь сильнее разозлил Цин Чэна.

— Ты что, правда не понимаешь, что будет, если отравиться этой дрянью и лечь в обнимку с мужиком? — дыхание Цин Чэна участилось, но он изо всех сил продолжал себя контролировать.

— А что ещё может быть? Просто поспим вместе! Мы же оба взрослые мужики, зачем

заморачиваться из-за такой ерунды? Я ведь над тобой смеяться не стану, — недовольно продолжал Е Цзымин.

Цин Чэн в ответ лишь тяжело вздохнул.

— Ну ты и наивный.

Цин Чэн обессиленно осел на землю и, знаком велев Е Цзымину оставаться на месте и не двигаться, медленно прислонился спиной к холодной стене пещеры. Легкая прохлада камня принесла ему некоторое облегчение, но не могла утолить странный, снедавший его жар. Лишь спустя какое-то время он заговорил снова:

— Мужчина, отравившийся этим зельем, может снять токсин только через близость с другим мужчиной. Ты еще слишком мал и ничего не понимаешь. Умереть не страшно, жаль лишь, что я больше никогда не увижу Июня. Если бы существовала вторая жизнь, я бы уж точно не был столь бесполезным, как в этой, где я умел лишь ждать. Я бы сам отправился его искать.

Последние фразы звучали так, будто он говорил сам с собой, а в голосе слышались нотки безысходности, глубокой тоски и чистейшего отчаяния.

Е Цзымин остолбенел. Близость? Как это — близость между двумя мужчинами? Лицо Е Цзымина слегка покраснело, но, глядя на то, как Цин Чэн опустил руки и сдался, он почувствовал странный приступ злости.

— Подумаешь, близость! Что тут сложного? Неужели в такой момент нельзя забыть про эти условности? — возмущенно воскликнул Е Цзымин, поднимаясь с каменной кровати. Он попытался подойти к Цин Чэну, но тот оборвал его суровым окриком:

— Не подходи!

Цин Чэн испугался не на шутку:

— Заставить меня подчиняться мужчине, словно женщине... да как ты себе это представляешь! Я лучше умру!

С этими словами Цин Чэн схватил с земли острый камень и приставил к собственному горлу, угрожая таким образом.

Е Цзымин явно не ожидал такого способа исцеления; его лицо залилось еще более ярким румянцем, и он смущенно отвел взгляд.

— Я не подхожу, не делай глупостей.

Однако, вспомнив нежный тон, с которым Цин Чэн говорил об Июне, Е Цзымин почувствовал легкую грусть. Он подумал, что тот самый Июнь наверняка очень счастливый человек, раз его так сильно любит и помнит мужчина вроде Цин Чэна.